
Вопросы конституционного, муниципального, административного и финансового права

Научная статья

Научная специальность

5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 342.92

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.4.29>

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

© Швейгер А. О., 2022

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Хабаровск, Россия

Рассматривается вопрос необходимой обороны. Делается вывод о ее универсальном характере. Отмечается ее межотраслевой характер. Анализируется признак общественной опасности посягательства, в результате чего автор приходит к выводу о том, что законодатель умышленно не использует его применительно к административным правонарушениям, стремясь дифференцировать таким способом смежные с уголовным законодательством правонарушения. Также делается вывод о применении правильного подхода со стороны законодателя об исключении признака общественной опасности у административных правонарушений. Анализируется особенность административных правонарушений и возможность применения для защиты от них необходимой обороны. Делается вывод о возможности применения необходимой обороны от административных деликтов и необходимости включения данного института в число обстоятельств, исключающих деликтность деяния.

Ключевые слова: административное правонарушение, необходимая оборона, общественная опасность, обстоятельства, исключающие состав административного правонарушения.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE NECESSARY DEFENSE AGAINST ADMINISTRATIVE OFFENSES

© Shveyger A. O., 2022

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russian Federation

The article deals with the issue of necessary defense. The conclusion is made about its universal character. Its intersectoral nature is noted. The sign of the public danger of encroachment is analyzed, as a result of which the author comes to the conclusion that the legislator deliberately does not use it in relation to administrative offenses, seeking to differentiate offenses related to criminal law in this way. It is also concluded that the correct approach is applied by the legislator to exclude the sign of public danger from administrative offenses. The peculiarity of administrative offenses and the possibility of using the necessary defense to protect against them are analyzed. The conclusion is made about the possibility of applying the necessary defense against administrative torts and the need to include this institution in the number of circumstances excluding the delinquency of the act.

Keywords: administrative offense, necessary defense, public danger, circumstances excluding the composition of an administrative offense.

Введение

Необходимая оборона является неотъемлемым субъективным правом каждого человека, гарантированным ему законодательством. Важность таких гарантий сложно переоценить. Реализация естественного права на защиту своих прав и интересов, гарантированного государством, подчеркивает развитость правовых механизмов регулирования общественных отношений. Универсальность данного института должна отражаться в межотраслевом характере его регулирования и реализации. Право каждого на защиту от посягательства должно быть таким же естественным для каждой отрасли

права, как право на жизнь, честь и достоинство, распоряжение своими способностями и т. п. Отсутствие соответствующих гарантий со стороны государства лишает потерпевшего от посягательства права на самозащиту от него, что, в свою очередь, влечет деформацию правового регулирования с точки зрения нравственной стороны такого запрета, недоверие к государству, формирование чувства незащищенности у граждан. Несмотря на очевидную необходимость возможности реализации данного института в большинстве отраслей отечественного права, наблюдается пробельность регулирования этих отношений, поскольку необходимая

оборона была исключена из административного законодательства, содержащего такие составы правонарушений, которые сопряжены не просто с посягательством, а нападением.

Материалы и методы исследования

Отсутствие однозначных доктринальных и правоприменительных позиций по вопросам исследуемой проблематики определяет широкий спектр применяемых методов.

В исследовании применяется общенаучный метод диалектического познания относительно уяснения понятий и категорий, структурирующих содержательную составляющую института необходимой обороны. Также в статье применялись следующие методы: метод системного анализа в целях установления признака общественной опасности правонарушений и его корреляции с аналогичным признаком, присущим преступным деяниям; статистический, в целях выяснения закономерностей судебной практики; логический, основывающийся на законах формальной логики; сравнительно-правовой, применяемый при исследовании норм и понятий смежных отраслей права.

Результаты исследования

Правовое регулирование общественных отношений является одним из основных направлений государственной деятельности. В зависимости от особенностей таких отношений законодатель использует механизмы различных отраслей права для их упорядочивания. Помимо особенностей содержания отношений, требующих регулирования со стороны государства нормами права, выбор правовой отрасли обуславливается их важностью и опасностью, которую продуцирует деяние при их нарушении.

Правовые механизмы защиты нарушенных или нарушаемых прав во многих случаях предполагают правосстанавливающий характер, специфика которого заключается в наложении уполномоченным лицом или органом взыскания за допущенное нарушение, либо судебный порядок разрешения возникающих конфликтов без возможности оказания стороной, чьи права нарушаются, прямого противодействия нарушителю. Это сопряжено опять же с категорией так называемой важности общественных отношений, на которые осуществляется посягательство, и той опасностью, потенциал которой содержит в себе деяние. В связи с этим институт необходимой обороны, допускающий причинение вреда при наличии посягательства или грозящей опасности, из всего многообразия отечественных отраслей права знаком

только уголовному и отчасти гражданскому законодательству.

Такой подход законодателя обоснован. Суть гражданско-правовых нарушений часто связана не столько с умышленным нарушением закона, сколько с неверным пониманием сути и объема своих прав и прав второй стороны отношений. Данное утверждение справедливо и для некоторых других отраслей отечественного права. При совершении умышленного нарушения правовых предписаний законодательства неуголовно-правового характера отсутствует выраженная опасность такого нарушения в силу меньшей важности отношений, охраняемых нормами соответствующего законодательства. Считается, что уголовный закон охраняет наиболее важные, ценные общественные отношения. Их нарушение существенно деформирует нормальную жизнь граждан, общества, государства. Поэтому с социальной точки зрения целесообразно не допускать трансформации охраняемых объектов, предоставив возможность всем участникам уголовно-правовых отношений защищать права, поставленные под охрану уголовного закона, от посягательств.

Вместе с тем необходимая оборона не является сугубо уголовно-правовым институтом [2, с. 61]. Право на оборону, закрепленное в ст. 37 УК РФ¹, является прямой реализацией ч. 2 ст. 45 Конституции РФ², которая гарантирует каждому человеку право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Например, в ст. 14 ГК РФ³ закреплено аналогичное положение, предусматривающее возможность самозащиты своих гражданских прав.

Как верно отмечается в литературе, конституционные права человека обеспечиваются правосудием и действуют непосредственно, т. е. напрямую и безусловно [6, с. 32]. Отсутствие в той или иной отрасли права прямо закрепленного института обороны не должно являться основанием для умаления прав лиц, вынужденных защищать свои интересы путем причинения вреда правонарушителю и тем более признания оборонительных действий противоправными. Поскольку Конституция РФ обладает высшей юридической силой на территории России, институт необходимой обороны, прямо вытекающий из

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020, по сост. на 04.10.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ ред. от 25.02.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

положений ст. 45, должен носить межотраслевой характер и распространяться на все случаи правомерной защиты своих интересов.

Тем не менее практика оценки правомерности причинения вреда со стороны лица, защищающего свои права путем причинения вреда посягающему, основывается на положениях отраслевых предписаний.

Такой подход обусловлен нечеткостью формулировки ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. Положения данной нормы сконструированы достаточно абстрактно, поскольку включают в себя всю систему способов защиты нарушенных прав. Конкретного упоминания о необходимой обороне в данной статье не содержится. По этой причине необходимая оборона воспринимается не как конституционное неотъемлемое субъективное право, а как способ защиты субъективных прав, т. е. один из механизмов объективного права, имеющего, как известно, четко очерченный отраслевой характер. По этой причине фактическая оценка правомерности действий обороняющегося лица правоприменительными органами осуществляется в соответствии с отраслевой регламентацией, в сфере которой произошел конфликт интересов.

Уголовное право достаточно глубоко и детализировано разработало вопрос правомерности необходимой обороны. Право на защиту наиболее важных прав и интересов, охраняемых нормами уголовного законодательства, ни у кого не вызывает возражений.

Однако ранее институт необходимой обороны был закреплен в административном праве в ст. 19 КоАП РСФСР¹. В новом Кодексе об административных правонарушениях, принятом в 2001 г., данная норма не нашла отражения. Единственным институтом, исключаящим деликтность деяния, законодатель оставил только крайнюю необходимость, которая практически повторяет аналогичный институт, закрепленный в ст. 39 УК РФ. И это несмотря на тот факт, что некоторые ученые относят статью о крайней необходимости административного законодательства к малоиспользуемой по причине крайне редкого применения положений ст. 2.7 КоАП РФ² на практике [4, с. 23]. Тем не менее законодатель счел возможным и необходимым сохранить данный институт в административном праве.

Тем более нелогичным видится нынешнее отсутствие необходимой обороны в административном законодательстве в условиях перманентного процесса провозглашенной либерализации уголовного законодательства, когда целые группы составов преступлений в процессе их декриминализации обретают статус административного деликта. При этом некоторые такие составы по своему свойству в рамках уголовно-правового регулирования предполагали и предполагают безусловную возможность применения необходимой обороны для защиты от таких посягательств.

Например, хищение и хулиганство в доктрине уголовного права предполагают возможность необходимой обороны. Известные теперь и административному законодательству побои также однозначно допускают защиту от них в рамках необходимой обороны. Это прямо закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ (далее – Постановление № 19). Вместе с тем при совершении смежных административных деликтов у граждан такого права не возникает. Очевиден существенный пробел регулирования отношений административным законодательством.

Редкое использование правоприменительной практикой ст. 19 КоАП РСФСР позволило сделать вывод о декларативном характере данной нормы еще и по причине того, что в кодексе не были описаны составы правонарушений, которые могли быть совершены в состоянии необходимой обороны [4, с. 24]. Однако известно, что толкование правоприменителем правовой нормы далеко не всегда соответствует ее реальному содержанию. В действительности совершалось гораздо больше действий, обусловленных необходимой обороной, о которой говорилось в ст. 19 КоАП РСФСР, чем официально признавалось практикой. Составы правонарушений, предполагающие гипотетическую возможность оборонительных действий от них, как содержались в административном законодательстве ранее, так содержатся и сейчас. Конечно, большинство составов не предполагают по своему характеру оборонительного противодействия. Сложно представить оборону от таких деликтов, как нарушение права гражданина на озна-

¹ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984, утратил силу 30.12.2001) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

комление со списком избирателей и участников референдума или непредставление сведений (информации). В подавляющем большинстве конструкция норм административного законодательства или характер правонарушения не предполагают возможности оборонительной защиты.

Однако некоторые правонарушения должны давать возможность защиты в момент посягательства своих прав и интересов, а также прав и интересов третьих лиц, общества и государства. Умышленное уничтожение или повреждение специальных знаков (ст. 7.2), уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) (ст. 7.14.1), уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17), уничтожение лесной инфраструктуры, а также сенокосов, пастбищ (ст. 8.30), уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений (ст. 8.35), побои (ст. 6.1.1), мелкое хищение (ст. 7.27), мелкое хулиганство (ст. 20.1), совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций (ст. 19.36) и ряд других составов по своему характеру предполагают возможность обороняться от таких посягательств в момент их реализации. В уголовном законодательстве некоторые смежные преступления, о чем говорилось выше, предоставляют безоговорочное право на необходимую оборону.

Из этого можно сделать вывод, что характеру таких нарушений в целом свойственно корреспондирующее право оборонительных действий. Вместе с тем законодатель не признает право на необходимую оборону от административных правонарушений. В научной литературе многие авторы видят причину такой законодательной позиции в имманентно присутствующем признаке любого преступления – общественной опасности, которая отсутствует у административного деликта. Однако в научных источниках распространено противоположное мнение, где обосновывается наличие признака общественной опасности у административных правонарушений [8]. Однако такая позиция вызывает ряд возражений, и ее реализация создаст ряд затруднений в правоприменительной практике и теории.

Обобщенный подход к анализу всех видов правонарушений позволяет сделать вывод о том, что большинство из них, в той или иной степени, обладают критерием общественной опасности. Это обусловлено самой природой любого правонарушения. По своему свойству оно влечет

нарушение установленного порядка существования общественных отношений, императивно закрепленного в правовых нормах, охраняющих права и интересы отдельных граждан, общества или государства, а значит, представляет опасность для системы закрепленных ценностей. Поэтому формально права ученые, считающие общественную опасность неотъемлемым свойством административного проступка [3].

Вместе с тем подобный обобщенный подход недопустимо использовать для утверждения о наличии подобного юридического свойства у административного деликта. Общественная опасность – в первую очередь социальное свойство правонарушения, которое отражается законодателем для того, чтобы подчеркнуть, почему данный проступок является наказуемым и влечет ответственность. Необходимо различать юридические и социальные свойства поведения. Не всегда последние находят свое отражение в юридических признаках. Часто законодатель поступает подобным образом ввиду их несущественности для юридической оценки поведения лица. Но иногда такой прием используется для того, чтобы подчеркнуть юридическую отраслевую особенность социально-правового феномена.

Несмотря на всю дискуссионность данного вопроса, законодатель сознательно в понятии административного правонарушения, закрепленного в ст. 2.1 КоАП РФ, не упомянул рассматриваемый признак. Такое решение было продиктовано необходимостью разграничения признаков правонарушения и преступления.

Изначально административный проступок понимался как малозначительное криминальное деяние. Впоследствии была разработана концепция его вредности, основой которой стала позиция фактического разработчика теории общественной опасности Н. Д. Дурманова, который высказал суждение, что общественная опасность – неотъемлемый материальный признак лишь преступного деяния [5]. Такой подход оправдывает себя в рамках стремления очертить границы между преступным и непроступным. Отраслевая специфика, концентрирующая основополагающие особенности нарушения и отличающая его от других нарушений права, должна превалировать начиная с основополагающих понятий. В противном случае неизбежны межотраслевое смешение и путаница.

Если признать общественную опасность объективным критерием всех административных правонарушений, то ею будут обладать и такие деликты, как управление транспортным средством водителем, не пристегнутым ремнем безопасности и т. п. Используя такую логику,

можно прийти до абсурда и привлекать к ответственности за попытку самоубийства. Очевидно, что данные деяния не обладают опасностью для общества, поскольку не причиняют последнему вред. То же самое касается и нарушения правил благоустройства городов и других населенных пунктов.

Помимо этого, необходимо будет определиться, отличается ли общественная опасность административного деликта и преступного деяния. И если есть отличия, то в чем они выражаются. В результате может получиться ситуация, когда будут сосуществовать уголовная и административная общественная опасность, что будет размывать границы между двумя отраслями. А если признавать, что общественная опасность деликтного деяния – это совсем другая опасность, чем та, которая отражена в преступлении, то это внесет еще большую путаницу, поскольку будут существовать два идентичных основополагающих, системообразующих понятия в смежных отраслях с различным содержанием. На необходимость унификации терминологического аппарата в смежных и тесно связанных отраслях неоднократно обращали внимание ученые [7]. Важным правилом юридической техники является то, что нормативные дефиниции по возможности должны быть унифицированы с дефинициями других отраслей права, особенно близкими по своей юридической природе [9].

Законодатель также видит обозначенную проблему. Так, например, в свое время в целях устранения противоречий гражданского и налогового законодательства было провозглашено единство терминологии налогового и гражданского законодательства с закреплением приоритета цивилистики (п. 1 ст. 11, п. 2 ст. 38 НК РФ¹).

По указанной причине законодатель в ст. 2.8 КоАП РФ при описании признаков невменяемости не включил в их число осознание общественной опасности деяния, тогда как ст. 21 УК РФ данный признак содержит.

Поэтому необходимо согласиться с учеными, считающими, что отражение деяния в административном законодательстве не свидетельствует о его общественной опасности, поскольку КоАП РФ этот признак не учитывает [11].

Несмотря на отсутствие в административном законодательстве права на необходимую оборону, возникает вопрос о возможности реализации данного права, регламентированного уголовным законодательством, для защиты от

административных правонарушений. Особенно дискуссионным данный вопрос стал после частичной декриминализации ст. 116 УК РФ, предусматривающей ответственность за побои, и перевода части подобных деяний в состав административных деликтов.

Высказываются мнения о наличии такой возможности в связи с универсальностью института необходимой обороны и его межотраслевым характером, опосредованным конституционно закрепленным правом защиты своих интересов законными способами. При аргументации акцентируется внимание на том обстоятельстве, что в ч. 2 ст. 37 УК РФ ничего не говорится об общественно опасном характере посягательства, а допускается возможность обороны против посягательств, сопряженных с насилием, не представляющим опасность для жизни обороняющегося лица, к которым относятся и непроступные побои [1, с. 32].

Вместе с тем такой аргумент вызывает возражение. Говоря о допустимости необходимой обороны от посягательств, не сопряженных с насилием, не опасным для жизни и здоровья, законодатель имел в виду, что такое насилие может отсутствовать вообще, т. е. оборона допустима и против посягательств, не связанных с нападением [10, с. 194]. Если же элементом посягательства выступает насилие, не опасное для жизни обороняющегося, само посягательство все равно должно отвечать критерию общественной опасности, т. е. быть преступным, на что прямо обращает внимание Верховный Суд РФ в Постановлении № 19. Также в данном постановлении акцентируется внимание на том, что недопустима необходимая оборона от деяний, заведомо являющихся малозначительными для обороняющегося лица. Категория малозначительности применительно к деяниям, предусмотренным УК РФ, тесно коррелирует с административными правонарушениями, что еще раз подтверждает невозможность использования уголовно-правового института необходимой обороны против иных деяний, которые не являются преступными. Как было отмечено выше, в настоящее время правоприменительная практика в вопросе возможности необходимой обороны заняла выраженную отраслевую позицию, что согласуется и с законодательным подходом. Поэтому если обороняющийся от административного правонарушения причинит вред, он будет подлежать ответственности.

Вместе с тем вызывает недоумение позиция законодателя, который исключил оборону из КоАП РФ, допуская при этом причинение вреда охраняемым правам и интересам в состоянии

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

крайней необходимости при очевидной близости и схожести этих институтов. Посягательство, от которого лицо вынуждено защищаться путем оборонительных действий, может быть подчас даже более значительным, чем опасность, угрожающая лицу, действующему в состоянии крайней необходимости, по причине возможной сопряженности таких действий с нападением. Как было сказано выше, такое возможно, например, при хулиганстве или побоях.

Кроме того, административно наказуемые побои отличаются от преступных только мотивом, в то время как степень выраженности нарушения права на телесную неприкосновенность в обоих случаях одинакова. Следует согласиться с мнением, что «обороняющемуся лицу от побоев практически безразлично, наносятся ли они ему из личной неприязни или из хулиганских побуждений близким лицом или лицом, подвергнутым административному наказанию за нанесение побоев» [1, с. 33]. Также объективно потерпевший далеко не всегда может разграничить преступные и не преступные побои для определения своего права на возможную защиту в конкретной ситуации.

Схожесть межотраслевых правонарушений, которые в уголовном законодательстве сейчас закреплены как преюдиционные составы, свидетельствует о том, что законодатель стоит на позиции необходимости повышенной защищенности общества от данных посягательств их повторного нарушения при наличии единства непосредственных объектов¹.

В связи с тем, что административное законодательство не предусмотрело возможность необходимой обороны, правоприменитель вынужденно подменяет ее крайней необходимостью, оценивая фактически оборонительные действия в рамках критериев крайней необходимости². На такой подход ориентирует Конституционный Суд РФ³. Однако это создает дополнительные затруднения при квалификации

в виде оценки соразмерности защиты. Кроме того, подобный подход есть не что иное, как применение закона по аналогии, которая дает слишком широкие границы для усмотрения. В целом же правоприменительная практика по этому вопросу складывается противоречиво. В связи с неурегулированностью данного вопроса в рамках КоАП РФ имеются решения о привлечении к административной ответственности лиц, фактически действовавших в состоянии необходимой обороны.

В целях устранения пробельности административного законодательства, закрепления отраслевой гарантии на защиту своих прав от административных правонарушений и единообразия правоприменительной практики необходимо реанимировать институт необходимой обороны.

Выводы

Действия, причинившие вред охраняемым отношениям при защите лицом своих прав, в силу своей целесообразности и социальной полезности не должны быть порицаемы со стороны государства и влечь административную ответственность. Нынешнее положение не отвечает пониманию социальной и правовой справедливости, поскольку поведение человека, оказывающего содействие государству в борьбе с правонарушениями, с точки зрения закона оказывается упречным [4, с. 25].

Очевидно, что указанные обстоятельства изменяют оценку общественной опасности закрепленного законодателем административного деяния. Поскольку лицо защищает свои права, гарантированные ему законом, а также других лиц, общества и государства, его действия являются социально полезными и необходимыми. Они должны быть извинительными с точки зрения закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбатович Д. А. Необходимая оборона от преступных побоев // Российский судья. 2017. № 6. С. 31–33.
2. Истомин А. Ф. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 220 с.
3. Карапетян А. Г. Общественная опасность административных правонарушений в бюджетной сфере // Современный юрист. 2019. № 1. С. 10–16.
4. Кисин В. Р. Состояние и перспективы правового регулирования обстоятельств, исключающих административную деликтность деяния // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 22–26.
5. Колпаков В. К. Вредность и общественная опасность административного правонарушения // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Кононкова Н. В., Залунина Т. Г. К вопросу о допустимости необходимой обороны при защите от посягательства,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февр. 2022 г. № 16-62/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система; Постановление Московского городского суда 4а-5811/2019 от 14 окт. 2019 г. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&trct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKewi7n5DfyIb6AhVPx4sKHyeIbWm4ChAWegQIHxAB&url=http%3A%2F%2Fmos-gorsud.ru%2Fmgs%2Fcases%2Fdocs%2Fcontent%2Fb6f6b270-bdf5-4915-9f87-67c2a5d0c27e&usq=AOvVaw3TU0ps4j7KYlyVjAHtjIV> (дата обращения: 06.08.2022).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулина Марата Лукмановича на нарушение его конституционных прав статьями 2.7 и 20.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьями 24 и 26 Федерального закона «Об оружии» : определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2020 г. № 2323-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

имеющего признаки административного правонарушения // Вестник АмГУ. 2018. Вып. 82. С. 32–36.

7. Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский, М. Жужалов // Закон. 2020. № 12. С. 17–28.

8. Попугаев Ю. И. Основные концептуальные положения по разработке общей и особенной частей нового кодекса российской федерации об административных правонарушениях // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

9. Руева Е. О. Актуальные проблемы нормотворческой юридической техники на примере КоАП РФ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 10-е изд. перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 944 с.

11. Цуканов Н. Н. К вопросу об общественной опасности административного правонарушения (на основании предложений Ю. П. Соловья по модернизации концепции административной ответственности) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

REFERENCES

1. Garbatovich D.A. Neobkhodimaya oborona ot neprestupnykh poboev [Necessary defense against impregnable beatings]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 2017, no. 6, pp. 31-33. (in Russian)

2. Istomin A.F. *Otvetstvennost' za ubiistvo pri prevyshenii predelov neobkhodimoi oborony (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty)* [Responsibility for murder in excess of the limits of necessary defense (criminal and criminological aspects) Cand. sci. diss.]. Moscow, 1995, 220 p. (in Russian)

3. Karapetyan A.G. Obshchestvennaya opasnost' administrativnykh pravonarushenii v byudzhetnoi sfere [Public danger of administrative offenses in the public sector]. *Sovremenniy yurist* [Modern lawyer], 2019, no. 1, pp. 10-16. (in Russian)

4. Kisin V.R. Sostoyanie i perspektivy pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh interesov v sfere administrativnogo deliktostroyeniya [The state and prospects of legal regulation of circumstances excluding the administrative delinquency of an act]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 2018, no. 10, pp. 22-26. (in Russian)

5. Kolpakov V.K. Vrednost' i obshchestvennaya opasnost' administrativnogo pravonarusheniya. [Harmfulness and social danger of an administrative offense]. *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference legal system]. (in Russian)

6. Kononkova N.V., Zalunina T.G. K voprosu o dopustimosti neobkhodimoi oborony pri zashchite ot posyagatel'stva, imeyushchego priznaki administrativnogo pravonarusheniya [On the question of the admissibility of freedom of defense when protect-

ing against encroachment, the importance of an administrative offense]. *Vestnik AmGU* [Bulletin of the Amur State University], 2018, vol. 82, pp. 32-36. (in Russian)

7. Bormasheva K., Novoselova L., Yankovskii R., Zhuzhzhhalov M. *Oborot tsifrovyykh aktivov v Rossii* [Turnover of digital assets in Russia]. *Zakon* [Law], 2020, no. 12, pp. 17-28. (in Russian)

8. Popugaev Yu.I. Osnovnye kontseptual'nye polozheniya po razrabotke obshchei i osobennoi chastei novogo kodeksa rossiiskoi federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [The main conceptual provisions for the development of the general and special parts of the new code of the Russian Federation on administrative offenses]. *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference legal system]. (in Russian)

9. Rueva E.O. Aktual'nye problemy normotvorcheskoi yuridicheskoi tekhniki na primere KoAP RF [Actual problems of rule-making legal technique on the example of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation]. *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference legal system]. (in Russian)

10. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnyk* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook]. Ed. by A.I. Raroga. Moscow, Prospekt Publ., 2020, 944 p. (in Russian)

11. Tsukanov N.N. K voprosu ob obshchestvennoi opasnosti administrativnogo pravonarusheniya (na osnovanii predlozhenii Yu.P. Solov'ya po modernizatsii kontseptsii administrativnoi otvetstvennosti) [To the question of the public danger of an administrative offense (based on the proposals of Yu.P. Soloviev on the modernization of the concept of administrative responsibility)]. *Konsul'tantPlyus: spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: reference legal system]. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 07.11.2022

Received on 11.05.2022; approved on 11.07.2022; accepted for publication on 07.11.2022

Швейгер Александр Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15), ORCID: 0000-0002-6200-5427, e-mail: shvejgersasha@mail.ru

Shveyger Aleksandr Olegovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (15, Kazarmeniy ln., Khabarovsk, 680020, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-6200-5427, e-mail: shvejgersasha@mail.ru